

I

Длинная, длинная тропинка стелется по болотам и уходит в леса — кто проложил ее? Мужчина, первый попавший сюда человек. До него здесь тропинки не было. Потом, одно за другим, прошли по неясным следам на мочажинах и болотах животные, и следы стали отчетливее, а там, один за другим, пронюхали о тропинке лопари и стали ходить по ней, когда им нужно было перебраться с горы на гору, чтоб проведать своих оленей. Так и образовалась тропинка чрез обширную пустошь, никому не принадлежавшую, бесхозяйную землю.

Человек идет на север. Он несет мешок, в нем съестные припасы да кое-какие инструменты. Человек крепок и груб, у него рыжая, жесткая, словно железная, борода и мелкие рубцы на лице и руках; где он заполучил эти шрамы — на работе или в бою? Может быть, он бежал от наказания и скрывается, может быть, он философ, ищет покоя и тишины, но как бы то ни было, он идет — человек среди этой огромной пустыни! Он все идет и идет, вокруг не слышно ни птиц, ни зверей, изредка бормочет он про себя какое-нибудь слово; «О-ох, Господи!» — говорит он. Миновав болота и выйдя на приветливую открытую полянку в лесу, он опускает на землю мешок и принимается бродить кругом, исследуя местность, немного погода возвращается, скидывает мешок на спину и идет дальше. Так продолжается весь день, он следит время по солнцу, спуска-

ется ночь, и он бросается в вереск, положив под голову руку.

Проходит несколько часов, и он снова отправляется в дорогу. «О-ох, Господи!» — он идет прямо на север, следит время по солнцу, закусывает сухой лепешкой с козым сыром, пьет воду из ручья и продолжает свой путь. И этот день тоже уходит на странствие, потому что в лесу много уютных полянок и все их надо исследовать. Чего он ищет? Места, земли? Должно быть, он выходец из города, глаза у него начеку, и он внимательно глядит вокруг, иногда взбирается на пригорок и что-то высматривает. Вот и опять садится солнце.

Он шагает по западному склону длинной балки, поросшей смешанным лесом, здесь и лиственный лес, и луговинки, так тянется часами, темнеет, но вот он слышит тихое журчанье речки, и это слабое журчанье подбадривает его, как присутствие чего-то живого. Поднявшись на возвышенность, он видит внизу погруженную в сумерки долину, а дальше к югу — небо. Он укладывается спать.

Утром перед ним расстилается вольный ландшафт: лес и луговина, — он спускается в дол по зеленому откосу, далеко внизу видит излучину речки и зайца, который одним махом перескакивает через нее. Человек кивает головой, будто так и нужно, чтобы речка была не шире заячьего прыжка. Сидевшая на яйцах куропатка внезапно срывается у него из-под ног и сердито клохчет, человек снова кивает, оттого, что здесь есть звери и птицы — это тоже хорошо! Он бродит по чернике и бруснике, по зубчатолыстым кустикам седмичника и мелким папоротникам; останавливается то тут, то там, ковыряет железкой землю и находит в одном месте чернозем, в другом — болото, удобренное многовековым листопадом и древесным перегноем. Человек кивает головой: здесь он поселится, да, так он и сдела-

ет, поселится здесь! Два дня ходит он по окрестностям, но вечерами возвращается к тому же откосу. Ночи спит на подстилке из лапника; он уже так освоился здесь, что даже устроил себе постель из лапника под выступом горы.

Самое трудное было найти место, не чье-нибудь, но его; и теперь дни стали заполняться работой. Он принялся срезать бересту в окрестных лесах, пока в деревьях еще бродил сок, клал бересту под гнет и сушил, а когда накапливалась большая куча, относил в село за много миль и продавал на постройки. Домой же, к откосу, приносил новые мешки с припасами и инструментом, муку, свинину, котел, лопату, ходил по тропинке туда и обратно, и все носил и носил. Прирожденный носильщик, он сновал по лесу, как паром между берегами; казалось, ему нравится выпавший на его долю жребий: много ходить и много носить, будто без ноши на спине жизнь была ленива и совсем ему не по душе.

Однажды он пришел, как всегда, с тяжелой ношей и, кроме того, притащил на веревке двух коз и молодого козла. Он радовался, глядя на своих коз, словно то были коровы, и ласкал их. Проходил мимо первый чужой человек, бродячий лопарь, увидел коз и понял, что попал к человеку, осевшему здесь.

— Ты насовсем тут останешься? — сказал он.

— Да, — ответил человек.

— Как тебя зовут?

— Исаак. Нет ли среди твоих знакомых работницы для меня?

— Нет. Но я поговорю там, куда иду.

— Поговори! Скажи, что у меня есть скотина, а ходить за ней некому.

Стало быть, Исаак; лопарь скажет и это, поселенец не беглый, он назвал свое имя. Он — беглый? Так его мигом бы отыскали. Он просто неутомимый работник,

запасал на зиму корм для своих коз, начал расчищать землю, разделять поля, оттаскивал камни, складывал из камней ограду. К осени он смастерил себе жилие, землянку из дерна, она была теплая, не пропускала воду, она выдержит бурю и не сгорит в огне. Он может войти в это жилище, затворить дверь и сидеть там у себя, может стоять полновластным хозяином на пороге, когда кто-нибудь проходит мимо. Землянка разделена на две половины, в одном конце жил он сам, в другом — скотина, в глубине, под выступом скалы, он устроил сеновал. Все было под рукой.

Идут мимо еще двое лопарей, отец с сыном, они останавливаются, опершись обеими руками на свои длинные посохи, и смотрят на землянку, на расчищенное место, слышат козьи колокольчики на косогоре.

— Здравствуй, — говорят они, — видать, знатные люди пожаловали в эти края! — Лопари ведь всегда льстят.

— Не знаете ли вы работницы для меня? — отвечает Исаак. У него только одно это на уме.

— Работницы? Нет. Но мы поговорим.

— Будьте так добры! Скажите, что у меня есть дом, и земля, и скотина, но нет работницы, так и скажите.

Он и сам искал работницу всякий раз, когда относил в село бересту, но так и не нашел. Одна вдова да две пожилые девицы посмотрели на него, а пойти с ним не решились; отчего так вышло, Исаак не понимал. Неужели не понимал? Кому охота служить у одинокого мужчины в дальних местах, за много верст от людей, в целом дне пути от ближайшего жилия! Да и сам мужчина-то вовсе не отличался красотой или приятностью, совсем даже наоборот, а уж когда говорить начинал, то совсем не походил на тенора с возведенными к небесам глазами, а был звероват и груб голосом.

Приходилось, значит, оставаться одному.

Зимой он мастерил большие деревянные корыта, продавал их в селе и носил домой, в снег и вьюгу, мешки с едой и всяким инструментом; трудные были дни, он чуть ли не примерзал к ноше. Так как он держал скотину и ходил за нею сам, то оставлять ее надолго он не мог — и что же он тогда придумал? Голь на выдумку хитра, ум у Исаака был сильный и свежий, он упражнял его все больше и больше. Во-первых, перед уходом из дому он выпускал коз на волю, чтоб они подкормились ветками в лесу. Но придумал и другое: вешал у реки большую деревянную посудину так, что вода, капая по капле, наполняла ее за четырнадцать часов. Полная до краев, посудина под тяжестью воды опускалась, а при этом тянула веревку, соединенную с сеновалом, там открывался люк, и падали три вязки сена: животные получали корм.

Вот как он действовал.

Остроумная выдумка, прямо-таки Божье внушение, и человек выпутался из беды. Все шло хорошо до поздней осени, но вот выпал снег, потом зарядил дождь, и опять пошел снег, снег шел не переставая, механизм стал давать сбой, посудина наполнялась талым снегом, и люк открывался прежде времени. Человек прикрыл посудину, некоторое время все опять было ладно, но когда наступила зима, водная капля замерзла, и приспособление перестало работать.

Тогда козам, как и самому человеку, пришлось обходиться без еды.

Тяжелые дни, человеку надо бы иметь помощника, но помощника не было, и все-таки он не растерялся. Продолжал работать и обустривать свой дом, прорезал в землянке окно, вставил два стекла, в его жизни это был замечательный и радостный день — не надо зажигать очаг, и так все видно, можно сидеть в доме и мас-

терить деревянные корыта при дневном свете. Все шло к лучшему, ох, Господи! Он никогда не молился по молитвеннику, но мыслями часто обращался к Богу, без этого никак нельзя было обойтись. Звездное небо, шелест в лесу, одиночество, глубокие снега, земные и горные силы — все это по многу раз на дню возбуждало в нем глубокие и набожные мысли; он был грешен и богобоязнен, по воскресеньям умывался в честь праздника, но трудился, как и всегда по будням.

Пришла весна, он обработал свой маленький участок и посадил картошку. Скота прибавилось, обе козы принесли по паре козлят, с взрослыми и молодняком стало у него семь коз. Он расширил хлев с запасом на будущее и вставил окно на две створки. Становилось светлее и лучше во всех смыслах.

И вот однажды явилась помощница. Она долго бродила взад-вперед по косогору, не отваживаясь подойти; уже за вечерело, когда она насмелилась, пришла все-таки — крупная, кареглазая, дородная и сильная, с большими руками, в лопарских комагах, хотя и не лопарка, и с мешком из телячьей кожи за спиной. На вид, пожалуй, в годах, этак, не в обиду будь сказано, под тридцать.

Чего ей было бояться? Она поклонилась и торопливо промолвила:

— Мне надо за перевал, оттого я и пошла этой дорогой.

— А-а, — сказал мужчина. Он не все понял, она говорила невнятно и вдобавок отворачивала лицо.

— Да, — сказала она. — А путь страсть какой дальний!

— Верно, — ответил он. — Так ты за перевал?

— Да.

— Зачем тебе туда?

- У меня там родня.
- Вот как, у тебя там родня. Как тебя зовут?
- Ингер. А тебя?
- Исаак.
- Вот как, Исаак. Значит, ты здесь живешь?
- Да, здесь вот и живу, сама видишь.
- Пожалуй, тут неплохо, — сказала она одобрительно.

Он был малый не промах и живо смекнул, что пришла она по чьему-нибудь сказу, пожалуй, вышла из дому третьего дня и прямехонько сюда. Может, прослышала, что ему нужна работница.

- Зайди, дай отдых ногам, — сказал он.

Они вошли в землянку, поели ее припасов и попили его козьего молока; потом она сварила кофе, который принесла с собой в склянке. И перед сном они угостились кофе. Он лег, а ночью в нем вспыхнуло желание, и он взял ее.

Утром она не ушла, не ушла и днем, суетилась по двору, подоила коз, вычистила мелким песком кастрюли и навела в доме чистоту. Она так и не ушла. Ее звали Ингер. Его звали Исаак.

И вот началась для одинокого мужчины новая жизнь.

Правда, жена его говорила невнятно и упорно отворачивалась от людей, стесняясь своей заячьей губы, но не ему на это жаловаться. Не будь этого обезображенного рта, она бы, верно, никогда не пришла к нему, заячья губа была его счастьем. А сам-то он разве уж совсем без порока? Бородатый, коренастый, Исаак ходил на страшный мельничный жернов, а мимо окна носился ровно смерч. И у кого еще была такая строгость в лице! Того и гляди рассвирепеет, что твой Вавва. Хорошо, что Ингер от него не убежала.

Она не убежала. Когда он уходил и возвращался домой, Ингер встречала его у землянки, обе составляли одно — землянка и она.

Ему прибавилось заботы о лишнем человеке, но забота оправдывалась: он мог больше бывать вне дома, больше ходить по округе. Во-первых, рядом была река, отличная река, мало того что красивая с виду, так еще глубокая и быстрая, не какая-нибудь маленькая речонка, текла она, должно быть, из большого озера в горах. Он добыл рыболовные снасти, обследовал реку вверх по течению и однажды вечером вернулся домой с ведром гольцов и горных форелей. Ингер встретила его с изумлением, она была поражена, не знала, что и подумать, она всплеснула руками и сказала:

— Господи Боже милостивый! Ну уж и ты! — Она отлично заметила, что ему нравятся ее похвалы и он гордится ими, а потому прибавила еще несколько лестных слов: мол, никогда она ничего подобного не видала. И как это он умудрился!

И в других отношениях Ингер была тоже хоть куда. Правда, ума в голове у нее не бог весть сколько, однако ж у кого-то из родных остались две ее овцы с ягнятами, и она привела их. Сейчас это было самое что ни на есть нужное в землянке — овцы с шерстью и ягнятами, целых четыре штуки; скота становилось все больше и больше, вот уж поистине задачка, и диво, до чего быстро он рос в числе! В другой раз Ингер принесла кое-что из платья и всякой мелочи: зеркало, нитку красивых стеклянных бус, чесалки для шерсти и прялку. Ну если этак и дальше пойдет, скоро вся землянка будет набита от пола до потолка, им самим места не хватит! Исаак, ясное дело, радовался этим земным благам, но, по своей обычной молчаливости, был и на этот раз скуп на слова; шмыгнул к порогу, глянул, какова

погода, и шмыгнул обратно. Да, можно сказать, ему здорово повезло, и он чувствовал все большую и большую влюбленность, влечение, или как это там ни называть.

— Довольно уж тебе хлопотать! — сказал он.

— У меня в одном месте осталось еще больше этого. А еще у меня есть дядя Сиверт, слышал про него?

— Нет.

— А он богач. Общинный казначей в нашем селе.

От любви умный глупеет — Исааку захотелось на свой лад сделать ей что-нибудь приятное, и он явно перестарался.

— Вот что я тебе скажу, — сказал он, — не ходи-ка ты окучивать картошку. Я сам займусь этим вечером, как приду домой.

С этими словами он взял топор и ушел в лес.

Она слышала удары его топора в лесу, совсем недалеко от дома, и по треску догадывалась, что он валит крупные деревья. Послушав некоторое время, она пошла на поле и принялась окучивать картошку. Глупый от любви умнеет.

Вечером он вернулся, волоча за собой на веревке огромное бревно. Грубый и простодушный, Исаак шумно возился с бревном, топотал и кашлял, лишь бы она вышла и подивилась на него.

— Да ты совсем спятил! — и в самом деле воскликнула она, идя ему навстречу. — Человек ты или нет?!

Он не ответил. Чего там! Невелика штука справиться с бревном, стоит ли и говорить об этом!

— А на что тебе эта лесина? — спросила она.

— Да и сам не знаю, — небрежно ответил он.

И тут он увидел, что она уже успела окучить картошку и, стало быть, в усердии почти сравнялась с ним. Это ему не понравилось, он отвязал веревку от бревна и пошел с ней куда-то.

— Опять уходишь? — спросила она.

— Да, — сердито ответил он.

Он вернулся со вторым бревном, но на этот раз не пыхтел и не шумел, а подтащил его, как вол, к землянке и положил на землю.

За лето он перетаскал к землянке много бревен.

II

Однажды Ингер опять собрала припасов в свою телячью сумку и сказала:

— Пойду проведать своих.

— А-а, — молвил Исаак.

— Да, надо потолковать с ними кое о чем.

Исаак не сразу пошел проводить ее, а порядочно помедлил. Когда же он наконец вышел за дверь, отнюдь не выдавая своим видом любопытства и тяжелых предчувствий, Ингер уже едва виднелась на опушке леса.

— А ты вернешься? — крикнул он, не в силах совладать с собою.

— Неужто не вернусь! — отозвалась она. — Придумаешь тоже!

— А-а.

И вот он опять остался один, о-ох, Господи! Не ему, полному сил и жадному на работу, расхаживать по землянке и зря топтаться на месте, и он принялся за дело: стал ворочать бревна, обтесывать лесины с обеих сторон. Проработал до вечера, потом подоил коз и лег спать.

Пусто и тихо в землянке, тяжким молчанием веет от дерновых стен и земляного пола, глубоко и серьезно ощущает он свое одиночество. Но прялка и чесальные доски стоят на своем месте, и бусы на питке лежат, аккуратно припрятанные на полке под потолком. Ингер ничего не унесла с собою. Но на Исаака по ду-

рости напал в белую летнюю ночь страх темноты, и ему чудится, что бог знает кто крадется под окном. Часа в два, судя по свету, он встал и позавтракал, уплел огромный горшок каши на весь день, чтобы не тратить время на новуюстряпню. И до вечера поднимал целину, вприбавок к картофельному полю.

Три дня он вперемежку тесал бревна и копал землю — авось Ингер придет завтра. Не дурно бы припасти рыбы к ее возвращению, вот он и решил пойти к ней навстречу не напрямиком через скалы, а кружным путем, мимо рыбалки. Он забрался в незнакомые места в скалах, тут и там высились серые горы и темно-бурые горы и валялись мелкие камни, тяжелые, словно из свинца или меди. В этих темных камнях, наверно, много добра, может, и золото есть, и серебро, он в этом ничего не смыслил, и ему было все равно. Он спустился к реке, рыба хорошо клевала ночью под звенящим комарами небом, опять набралось целое ведро гольцов и форелей, пусть-ка Ингер посмотрит! Возвращаясь утром тем же кружным путем, каким и пришел, он прихватил с собой два тяжелых камня со скалы, они были коричневые, с темно-синими крапинками, и очень тяжелые.

Ингер не вернулась. Пошли уже четвертые сутки. Он подоил коз, как в те времена, когда жил с ними один и некому было этим заняться, потом отправился к каменной россыпи и натаскал во двор большие кучи камней для ограды. У него было много грандиозных планов.

На пятый вечер он лег спать с подозрением на сердце, впрочем, ведь прялка и чесальные доски остались дома, да и бусы тоже! По-прежнему пусто в землянке, ни звука, часы тянутся бесконечно медленно, и когда со двора послышался какой-то топот, он подумал, что это ему только почудилось.

— О-ох, Господи! — вздохнул он в своей заброшенности, а такие слова Исаак никогда не произносил просто так.

Однако топот послышался снова, а немного спустя под окнами что-то промелькнуло, что-то такое с рогами, что-то живое. Он вскочил, метнулся к двери и увидел призрак.

— Бог или сатана! — пробормотал он, а такие слова Исаак произносил только в крайности. Он увидел корову, Ингер и корову, обе исчезли в хлеву.

Если б он не стоял в эту минуту на пороге и не слышал собственными ушами, как Ингер тихонько разговаривает в хлеву с коровой, он ни за что бы не поверил самому себе, но вот ведь стоит же он! В ту же секунду его охватило дурное предчувствие: спаси ее Господь, что ни говори, она необыкновенная, ну просто замечательная женщина, но что чересчур, то уж чересчур. Прялка и чесальные доски — куда ни шло, бусы уж больно красивые, ну да бог уж и с ними! Но корова, которую она пашла, может быть, где-нибудь на дороге или в загоне, — ведь хозяин непременно хватится ее и обязательно разыщет.

Ингер вышла из хлева и сказала, горделиво улыбаясь:

— А я привела свою корову!

— А-а, — ответил он.

— Меня не было так долго, потому что с ней нельзя быстро идти по горам. Она стельная.

— Так ты привела корову? — спросил он.

— Да, — ответила она, чувствуя потребность поговорить от сознания своего богатства. — Не думаешь же ты, что я вру! — прибавила она.

Исаак опасался самого худшего, но остерегся высказать свои подозрения и проговорил только:

— Поди поешь.

— Ты видел ее? Разве не красавица?

— Замечательная. Откуда она у тебя? — спросил он со всем равнодушием, на какое был способен.

— Ее зовут Златорожка. И чего это ты вздумал класть ограду? Уморишь себя работой, тем оно и кончится. Пойдем же, поглядим корову!

Они пошли в хлев, Исаак был в одном нижнем белье, но это ничего не значило. Они со всем тщанием осмотрели корову: все отметины, голову, вымя, крестец, бока — коричневая с белым, тощая.

Исаак осторожно спросил:

— Как думаешь, сколько ей лет?

— Сколько? — отозвалась Ингер. — Аккурат пошел четвертый год. Я сама ее выхаживала, и все, кто ее ни смотрел, говорили, что сроду не видали такого умного теленка. Как по-твоему, хватит у нас для нее корму?

Исаак начинал верить в то, во что ему так хотелось верить, и заявил:

— Что касаясь до корма, так корма для нее хватит!

Они вернулись в землянку, поели, попили, посидели. Улеглись спать, разговаривали о корове, о великом событии:

— Разве не красивая корова? Скоро у нее будет второй теленок. А зовут ее Златорожка. Ты спишь, Исаак?

— Нет.

— Слышь-ка, она сразу меня признала и пошла за мной, словно ягненок. Мы с ней часок поспали ночью в горах.

— А-а.

— Придется все лето держать ее на привязи, а то ведь убежит, потому что корова — она корова и есть.

— Где же она была раньше? — спросил наконец Исаак.

— У моих родных. Они не хотели отдавать ее, а ребяташки заплакали, когда я ее повела со двора.

Не может того быть, чтоб Ингер умела так замечательно лгать! Значит, она говорила правду, и корова — ее собственная. Теперь на усадьбе, во дворе стало одним важным обзаведением больше, все у них теперь есть, можно сказать — ни в чем недостатка! Ох уж эта Ингер, он любил ее, и она отвечала ему взаимностью, они были неприхотливы, жили в век деревянных ложек и были счастливы. «Пора спать!» — думали они. И засыпали. Наутро просыпались для нового дня, и тут всегда находилось у них то одно, то другое, над чем помяться, и горе, и радость шли рядом, такова уж жизнь.

Взять хотя бы, для примера, эти бревна — не попробовать ли сложить из них дом? Теперь, бывая в селе, Исаак смотрел в оба и, надумав план постройки, решил поставить сруб. А разве это ему не до зарезу нужно? Во дворе прибавились овцы, прибавилась корова, коз стало много и будет еще больше, скотина уже не помещается в своем отделении в землянке, надо же найти какой-нибудь выход. И уж лучше приняться за дело сейчас, покамест цветет картошка и не начался сезон. Ингер кое в чем ему пособит.

Ночью Исаак просыпается и встает с постели, Ингер после своего путешествия спит как убитая. Он снова идет в хлев. На сей раз он разговаривает с коровой по-другому, слова не переходят в приторную лесть, он тихонько оглаживает ее, осматривая во всех местах, нет ли где метки, тавра, нанесенного неведомым хозяином. Никакой метки он не находит и уходит из хлева с облегчением.

Вот лежат бревна. Он начинает подкатывать их, поднимает на каменную кладку, ладит проемы для окон, большой для горницы и маленький для клетки. Очень это трудно, он весь уходит в работу, позабывая о времени. Над крышей землянки появился дымок, вышла Ингер и позвала его завтракать.

— Что это ты затеваешь? — спросила она.

— Ты уж встала? — ответил Исаак.

Ох уж этот Исаак, до чего скрытный! Но ему правится, что она спрашивает, проявляет любопытство и обращает внимание на его затеи. Поев, он не сразу уходит, задержавшись немножко в землянке. Чего он ждет?

— Да что же это я сижу! — говорит он, вставая, и прибавляет: — Дел-то ведь хоть отбавляй!

— Дом, что ли, строишь? — спрашивает она. — Неужто не можешь ответить?

Он отвечает из милости, он преисполнен великой гордости оттого, что строит дом и сам со всем справляется, потому и отвечает:

— Ты ведь видишь, что строю.

— Ну да. Так, так.

— Как же не строить? — говорит Исаак. — Вот ты привела ведь корову, надо же ей хлев.

Бедняжка Ингер, Бог не наделил ее таким умом, каким наделил Исаака, свое творение. Да и было это все еще до того, как она узнала его как следует, научилась понимать его манеру говорить. Ингер сказала:

— Но ведь ты же строишь не хлев?

— Нет, — ответил он.

— Похоже больше, что ты строишь избу.

— По-твоему, так? — сказал он и взглянул на нее с напускным равнодушием, словно удивленный ее мыслью.

— Да. А скотине останется землянка?

Он подумал с минуту.

— Пожалуй, так оно будет лучше!

— Вот видишь, — победоносно проговорила Ингер, — меня тоже не так-то уж просто провести!

— Верно. А что ты скажешь насчет клетки при горнице?

— Клеть? Тогда у нас будет совсем как у людей. Ох, если б все так вышло!

Так оно и вышло. Исаак строил дом, рубил углы и вязал венцы, одновременно складывал очаг из подходящих камней, но эта работа ладилась плохо, и временами он бывал недоволен собой. Когда начался сенокос, ему пришлось оставить стройку, ходить по косограм и косить траву, огромными копнами приволакивая потом домой сено. Однажды дождливым днем Исаак сказал, что ему надо сходить в село.

— Зачем тебе туда?

— Да я и сам хорошенько не знаю.

Он ушел и пропадал двое суток, вернулся с кухонной плитой — словно тяжело нагруженная баржа, проплыл он через лес с плитой на спине.

— Да ты просто себя не жалеешь! — воскликнула Ингер.

Исаак разобрал очаг, который так не подходил к новому дому, и поставил на его место плиту.

— Не у всех есть такие плиты, — сказала Ингер. — Господи, помилуй нас, грешных!

Сенокос продолжался. Исаак только и знал, что таскать сено, потому что лесная трава далеко не то, что луговая, а гораздо хуже. Поработать на стройке удавалось только в дождливые дни, она продвигалась медленно; к августу, когда все сено было уже убрано, новый дом был доведен едва до половины. В сентябре Исаак сказал, что так дальше не пойдет.

— Сбегай-ка в село и приведи на подмогу работника, — велел он Ингер.

Ингер в последнее время что-то раздалась вширь и уже не могла бегать, но, конечно же, тотчас собралась в дорогу.

Но муж ее вдруг передумал, он снова впал в гордыню, решив, что все сделает сам.

Гамсун К.

Г 18 Плоды земли : роман / Кнут Гамсун ; пер. с норв. Н. Федоровой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 448 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-24723-9

Норвежский писатель Кнут Гамсун (1859–1952) за роман «Плоды земли» был удостоен Нобелевской премии 1920 года.

Крестьянин Исаак начинает постепенно обживать глухой лесной уголок, обустривая собственный быт и пространство вокруг себя. Идут годы, время наполняет их лицами и событиями: приходит и остается рядом как жена Ингер, рождаются и растут дети, расширяется хозяйство. Ошибки, беды, бюрократические ловушки, зависть чужаков не обходят стороной дом Исаака. Неизменным остается одно — ежедневный созидательный тяжкий труд. Деятели, которые «не хотят идти в ногу с жизнью», «хотят обогнать ее», раскидывают сеть соблазнов, и не всем героям удается уклониться от них, но все же главное остается неизменным, и это «жизнь по справедливости и возможностям, жизнь в доверчивом и правильном ко всему отношении».

УДК 821.113.5
ББК 84(4Нор)-44

КНУТ ГАМСУН
ПЛОДЫ ЗЕМЛИ

Ответственный редактор Елена Адаменко
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Валентина Гончар, Дмитрий Капитонов
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать / Баспага кол койылды 04.12.2023.
Формат издания 76 × 100 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 19,74. Заказ №

Изготовитель:	Өндүрүшү:
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШК — АЗБУКА® тауар белгисинин иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19, E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге, 191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А, Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШК филиалы, 191123, Санкт-Петербург, Воскресенская жағалауы, 12-үй, А лит., Тел. (812) 327-04-55, E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:

<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ООО «Тверской полиграфической комбинат».
170024, Россия, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34. Телефон/факс: (4822) 44-42-15.
Home page — www.tvrpk.ru. Электронная почта (E-mail) — sales@tvrpk.ru.

A-M3-33704-01-R